

А. П. Иванова, А. В. Ковалевский

СТОЯНКИ УРБАН-АБОРИГЕНОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сюжет этой работы возник на периферии большого проекта «Дальневосточные предместья», выполнявшегося в 2018–2019 годах при поддержке гранта РФФИ. Основным методом полевых исследований являлся сплошной пеший обход городских окраин, субурбий и прочих неформализованных частей поселений. Именно в процессе пешеходного изучения окраин были выявлены старательно замаскированные стоянки и временные жилища, ускользающие от фотофиксации с дронов и «гугломобилей».

«Города — это материальное воплощение социальных, экономических и культурных связей, отражающее определённый исторический период» [3]. Говоря о бездомных как об элементах существующей системы города, мы представляем само городское пространство в виде иерархии из двух вертикально дифференцированных проекций. С одной стороны, видимый город, являющийся верхней частью системы. Он регулярно подвергается разноплановому изучению и всяческим преобразованиям, кроме того, он социально одобряем и ментально интегрирован в сознание общества. В поле зрения научного дискурса постоянно отражаются те или иные стороны видимого города (социология города, урбанистика, архитектура и проч.). Проблема заключается в том, что, когда мы обследуем только верхнюю часть системы, которой является видимый город, мы не можем в полной мере изучить всю суть городского пространства, а следовательно, прийти к наиболее объективным выводам. Исходя из этого, для нас становится очевидна необходимость обратить внимание и на другую часть — невидимый город. Под невидимым городом мы понимаем ту часть городского пространства, которая на сегодняшний день по различным причинам не исследована или существование которой отрицается вовсе. Социальная группа, которую мы, чтобы избежать негативных коннотаций, присущих определениям «люмпены», «маргиналы», «бродяги», обозначили как «урбан-aborигены», сегодня находится на «теневой», «невидимой» стороне общественного внимания и, естественно, полностью скрыта как от государственного контроля, так и от научного сообщества.

Современная история урбан-aborигенов сильно отличается от зарубежной, так как официально существует всего несколько десятилетий — с 1991 года, когда были отменены статьи 209 и 198 УК РСФСР [6]. Отношение властных органов к люмпенам сменилось с активного противоборства на

полноценный бойкот. Декриминализация бездомных элементов и их деятельности, махинации на рынке жилья, правовая неграмотность населения, стремительное социальное расслоение привели к формированию устойчивой популяции урбан-аборигенов в черте современных городов. На сегодняшний день, по данным официальной государственной статистики, за гранью нищеты находится более 64 тысяч домохозяйств [5]. Данные неофициальной статистики говорят, что люмпенизировано около трёх миллионов человек [4] (однако и эти числа, скорее всего, неверны, потому что такие исследования ведутся подпольно и их результаты невозможно проверить).

Рассматривая локации размещения бездомных как элементы городского пространства, а самих урбан-аборигенов — как представителей городского сообщества, важно изучить их в качестве реально существующей группы. Производить исследования по данному вопросу следует не только в области теоретического описания и идентификации их реалистичности как феномена, но и в качестве полноценных членов города, которыми они и являются. Основная проблема присоединения «невидимого» города к «видимому», скорее всего заключается, во-первых, в том, что при их слиянии вскрыется множество проблем, которые, как казалось ранее, не характерны для городов России. Во-вторых, качественные показатели развития и благополучия, которыми сейчас измеряются деятельность городских и региональных управленцев, неуклонно пойдут вниз. Однако бездомные и их поселения реально существуют в пространстве города, их существование характеризуется целым набором параметров и отличительных черт.

Опираясь на результаты полевых экспедиций 2017–2019 годов, мы попытались описать типологию мест скопления и расселения урбан-аборигенов. Обращаясь к морфологии конкретных городов, можно определить типичные места дислокации бездомных. В основном поиск поселений невидимого города следует начинать по артериям городских теплосетей. Тепло, помимо очевидной задачи обогрева, используется для организации земледелия в пригодных для этого местах. Открытые люки коллекторов служат единственным зимним убежищем. Часто их запаивают, тогда бездомные ночуют под трубами теплотрассы, что периодически приводит к летальным исходам (информанты, описывая ночёвки под трубами, говорили о том, что «если заснуть пьяным, верхняя часть сгорит, а спина вмерзнет в лёд»). Следующим немаловажным ресурсом является вода. Следовательно, размещение жилищ приближено к расположению водонапорных колонок в черте городской инфраструктуры для пополнения запасов в хозяйстве и личного пользования. В случае

отсутствия колонок (которые, как правило, расположены в густо застроенном частном секторе) урбан-аборигены собирают в канистры дождевую воду. Именно по обилию 10-литровых канистр можно обнаружить замаскированные стоянки. Потребность в области одежды, продуктов питания, объектов досуга, благоустройства и проч. в основном закрывается расположением жилищ неподалеку от крупных мусорных свалок или контейнеров. Кроме того, расположение непосредственно на местности можно обнаружить по расположению натянутых горизонтально в, на первый взгляд, произвольных местах верёвок для сушки одежды, преимущественно в тёплое время года. Объединяя все вышеперечисленные параметры, можно предсказать места физического расположения целых популяций бездомных в городском пространстве.

Такие локации на карте города чаще всего являются табуированными местами, о которых не принято говорить и которые не принято посещать. Основной мерой по борьбе с нежелательными элементами является их непосредственное выселение путём благоустройства или размещения застройки на территории их обитания. В свою очередь это приводит лишь к созданию феномена кочевничества в другой район, отвечающий вышеуказанным параметрам, в итоге маргинализируются всё новые территории города или, при их миграции, всего региона. «Миграции качественно меняют пространство, в котором они протекают, наделяя его новыми качествами и характеристиками и серьёзно корректируя его вектор и темпы развития. Одним из далеко идущих следствий миграций становится появление новых локальных общностей и социальных пространств, не вписанных в традиционное пространство Города или Села, в которых и система миграционных процессов, и сам локальный социум находятся в процессе становления» [2]. Озвученное выше замечание указывает на крайнюю важность изучения проблемы существования невидимого города и его процессов (в данном случае миграции).

Человек, который становится урбан-аборигеном, теряя своё формально закреплённое место проживания, не теряет основных своих качеств и продолжает стремиться к организации. Являясь существом социальным, урбан-аборигены сбиваются в своеобразные общины, создавая прообраз неофициального поселения в среде видимого города. Подобные общины создают некий аналог первобытного общества. Собирачество, земледелие, тотемизм, маскировка жилища от потенциальных опасностей и проч. — всё это характеризует места расселения урбан-аборигенов.

Сегодня в крупных дальневосточных городах можно обнаружить аналог туземному вернакуляру. Это поселения разнообразных маргиналов, мигрантов

и сезонных рабочих. Если сообщества гастарбайтеров (новых колонистов из юго-западных окраин бывшего СССР) зарабатывают тяжёлым физическим трудом, предполагая постепенное улучшение жизненных условий (коллективный съём квартиры, переезд в барак, построенный или выкупленный старшинами национальных диаспор), а после интегрируются в социум, то урбан-aborигены, городские бродяги, поколениями живущие собирательством и попрошайничеством, выбирают принципиально асоциальную жизненную стратегию, в рамках которой не рассматривается переход к осёдлому образу жизни. В тёплый сезон они ночуют в шалашах и хижинах, а с первыми морозами мигрируют на юг (в Приморье). Те, кто остаётся, зимуют в подземных убежищах — колодцах теплоцентральной инфраструктуры. Ночёвки в подвалах и подъездах, бывшие обычными бытовыми практиками в советский период¹, остались в прошлом. Повсеместные домофоны и железные двери заставили социальные низы обратиться к архаичным навыкам организации убежищ. Рвы с водой (канализации), крутые подъёмы по заросшим склонам, собачьи стаи, живущие в симбиозе с обитателями импровизированных стойбищ, обеспечивают приватность и относительную безопасность городским аборигенам, живущим и успешно размножающимся в первобытных условиях.

Некоторые урбан-aborигены переходят от кочевого образа жизни и собирательства к попыткам земледелия, обустроивая на бесхозных территориях (склоны оврагов, полосы отчуждения) импровизированные огороды, ограждённые сложными многоярусными конструкциями. В ходе полевых исследований было выявлено гендерное различие стратегий выживания: мужчины предпочитают бродяжничать, женщины склонны оседать на земле, организовывая подобие уюта с помощью предметов обихода, подобранных на свалках (участок на фотографиях украшен множеством искусственных новогодних ёлок). Вдоль ограды из ржавых листов железа, продублированной частоколом из досок и больших ветвей, — запас больших пластиковых канистр для сбора дождевой воды. Надо отметить, что проблема поиска воды — одна из основных для городских номадов. В рассматриваемой локации (окрестности студгородка и микрорайона из кирпичных пятиэтажек 1960-х гг.) отсутствуют водонапорные колонки.

В качестве ограждения зачастую используются металлические спинки советских кроватей, ржавые листы железа — остатки заброшенных

¹ В. С. Высоцкий в балладе о речке Ваче, посвящённой скитаниям лица без определённого места жительства, списанного за асоциальное поведения «с китобоя-корабля», упоминает привычную для советских маргиналов стратегию выживания: «Я на лестницах ночью, где тепло от батарей».

индивидуальных гаражей, доски и стволы деревьев. В одной из локаций поверх импровизированного частотокола натянута колючая проволока с десятками консервных банок — примитивная сигнализация, символически замещающая видеонаблюдение. По нижнему периметру участок застроен разнообразными летниками — это каркасные сооружения, затянутые толем и полиэтиленом. Так как огород разбит на крутом западном склоне оврага, произведено террасирование — грядки устроены в ящиках. При солнечном свете греется вода, собранная в пластиковые канистры. Так как сельскохозяйственный сезон на момент фотосъёмки (ноябрь) давно окончен, вероятно, вода используется для мытья и стирки. Вдоль забора складываются подобранные на свалках оконные рамы: в общежитиях находящегося рядом студгородка была централизованно проведена замена старых рам пластиковыми пакетами, что обеспечило избыток стройматериала для импровизированных теплиц.

Огороды урбан-аборигенов охраняют тотемы-сэвены. По верхнему периметру огорода, на бровке оврага, расставлены три чучела (высотой примерно в два человеческих роста). Эти пугающие инсталляции можно рассматривать как персонификацию местных духов-защитников и одновременно как оригинальные арт-объекты, проявление эстетических популизмов маргинальных слоёв общества. Чучела сконструированы из деревянных каркасов, обряженных в человеческую одежду и увенчанных головами гигантских игрушек (лис, медведь, клоун), покрытыми разнообразными головными уборами. Зооморфные фигуры защитников вооружены автоматами и пиратскими кинжалами, антропоморфное чучело держит в руках гитару.

Использование выброшенных детских игрушек широко распространено в слободском тотемизме — архаичной народной культуре, основанной на тёмных магических представлениях. Не вдаваясь в дешифровку этих мрачных инсталляций, приведём в качестве примера «нового шаманизма» ограждение частного дома в окрестностях г. Невельска (юг Сахалина). Прибитые к забору десятки (если не сотни) игрушечных медведей невольно вызывают ассоциации с медвежьими черепами на шестах, бывшими традиционными оберегами в стойбищах малых коренных народов Дальнего Востока.

Буквально в каждом посёлке и небольшом городе, обследованном полем методом в ходе экспедиций 2017–2019 годов, нам обязательно встречался какой-нибудь девиантный вернакуляр, манифестирующий тёмную глубинную архаику.

Итак, можно констатировать, что помимо утилитарных практик выживания маргинальные представители общества имеют зачатки своеобразных

религиозных представлений и при возможности обустривают капища, в которых можно найти сходство с ритуальными пространствами коренных аборигенов: на деревьях, окружающих поляны или растущих на перекрёстках, развешиваются различные обереги (бумажные иконы, портреты президента государства), несущие символическую защиту всех уровней — и божественную, и государственную, которым приносятся votивные подношения — осколки зеркала, сложные «ловушки для сновидений», сконструированные из веточек и нитей, куклы и игрушки, дешёвая бижутерия, цветы и проч. В дуплах старых деревьев (ив и дубов) прячутся огарки свечей, на коре стволов вырезаются примитивные руны, на ветвях развешиваются ленточки и различные символы (часто используются новогодние игрушки, подходящие по смыслу — с астральной и солярной семантикой). Подобные капища, как правило, обустриваемые неподалеку от стоянки, свидетельствуют об отпращивании урбан-аборигенами магических ритуалов.

Вся эта тёмная архаика десятилетиями существует на окраинах городов; в связи с нарастающим расслоением общества и стремительным обнищанием социальных низов количество урбан-аборигенов зримо увеличивается с каждым годом (у нас нет статистических данных, мы строим своё предположение на основе полевых исследований). Наши соотечественники, по тем или иным причинам перешедшие к кочевому образу жизни (бродяжничеству), так же являются пусть деклассированными, но членами общества, поэтому мы сочли важным изучить и описать стойбища современных номадов. Этот самый нижний, примитивный, но одновременно самый глубокий уровень вернакуляра, где воспроизводятся базовые первобытные модели убежищ и капищ, требует теоретического осмысления и эмпирического изучения городских этнографов и антропологов, мы лишь наметили контуры возможных будущих исследований. Изучая места размещения урбан-аборигенов, становится понятно, что они чаще ведут кочевой образ жизни и не стремятся к осёдлости. Опираясь на работы местных исследователей, можно сделать вывод, что феномен ощущения временности своего пребывания на территории Дальнего Востока характерен для всех жителей региона в принципе. Например, О. И. Вендина пишет: «Этих людей (владивостокцев во втором и третьем поколении, которых примерно 72% в общем числе жителей. — Прим. авторов.) никак нельзя назвать временщиками, но, судя по проводимым исследованиям, многие из них сохраняют психологию “временщиков”, живя одним днём и демонстрируя ответственное отношение только к собственным усилиям в противовес обязанностям и долгу перед другими» [1]. Схожие поведенческие

особенности между представителями видимого и невидимого города лиш- ний раз доказывают нам их однопорядковость как явлений и указывают на необходимость дальнейшего изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вендина, О. И. Города на границе: испытание этнокультурным разно- образием / О. И. Вендина // Гор. исслед. и практики . — 2016. — Т. 1 (4). — С. 7–26.
2. Григоричев, К. В. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в по- следней трети XX – начале XXI в. / К. В. Григоричев // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер: Политология. Религиоведение. — 2012. — № 2 (9). — С. 44–51.
3. Гуаярт, В. Мы живем в новое время, и нам нужны новые концепции / В. Гуаярт // Гор. исслед. и практики. — 2016. — Т. 1 (4). — С. 7–11.
4. Гутов, Р. Бездомные в России: взгляд на проблему / Р. Гутов, А. Наза- ров // Народонаселение. — 2001. — № 4. — С. 117–121.
5. Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств без- домных по субъектам Российской Федерации. — Текст : электронный // Фе- деральная служба государственной статистики : офиц. сайт. — URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-3-5.pdf (дата обращения: 21.11.2019).
6. Уголовный кодекс РСФСР : от 27.10.1960 г. (с изм. и доп.). — Текст : электронный // Портал ГАРАНТ.РУ (Garant.ru). — URL: <http://base.garant.ru/10107062/> (дата обращения: 21.11.2019).